

Т.Е. Абрамзон, С.В. Рудакова

ББК Ш5(2=Р)5–4

УДК 821.161.1

Абрамзон Т. Е

*доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой литературы,*

Рудакова С. В.,

*доктор филологических наук, профессор
(Магнитогорск)*

**ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ПОЭТИЧЕСКОГО СБОРНИКА Е. А. БОРАТЫНСКОГО
1835 ГОДА**

В статье рассмотрены основные принципы, определившие своеобразие организации поэтического сборника Е.А. Боратынского 1835 года. Особое внимание уделено вопросу циклизации.

Ключевые слова: Боратынский, поэтический сборник, циклизация

Поэтический сборник Е.А. Боратынского 1835 [14] напечатан в апреле 1835 года, но задуман он был много раньше, да и подготовка к его изданию приходится на более ранний срок. Известно, что еще в декабре 1832 года Е.А. Боратынский заключает договор с А.Ф. Смирдиным о публикации собрания стихотворений, правда, позже, весной 1833 года «права на издание были перепроданы московскому книгопродавцу А.С. Ширяеву» [8, °303]. Рукопись будущего сборника Боратынский передал в цензурный комитет в Петербурге в феврале 1833 года, и уже в 7 марта цензором было подписано разрешение к напечатанию. Однако сам сборник увидел свет только через 2 года; проблемы задержки в издании были связаны прежде всего со сложностями в процессе подготовки окончательной редакции текста (известно, что поэт продолжал доработку своих стихотворений, кроме того, в этот период Боратынский переехал со своим семейством в Казанскую губернию, а, как мы понимаем, процесс пересылки из Москвы в Казань гранок для правки был делом хлопотным и небыстрым).

Готовя второй сборник ко встрече с читателями, Боратынский учитывал свой опыт в формировании замысла и публикации первого собрания своих стихотворений, поэту хотелось в новом издании представить свои произведения как некое художественное единство. Потому в сборнике Боратынского 1835 года мы можем обнаружить

новые эксперименты поэта на пути создания «поэтической целостности». Среди важнейших принципов, которыми руководствуется поэт при формировании своего нового сборника, оказывается циклизация, проявление которой обнаруживается на разных уровнях организации поэтического пространства издания Боратынского 1835 года.

Проблема циклизации активно обсуждается в современной науке, среди исследователей по-прежнему нет единства в понимании того, что же считать циклом, как рассматривать жанровую природу цикла. Так, Л.Е. Ляпина, размышляя о существующих концепциях цикла, выделяет среди разнообразных определений понятия цикл те, что оказываются максимально востребованными в современной науке: «жанровое образование» (В.А. Сапогов, Л.К. Долгополов), «сверхжанровое единство» (М.Н. Дарвин), «явление незавершенного жанрового генезиса» (К.Г. Исупов), «вторичное жанровое образование» (И.В. Фоменко) [9, 22].

Нам ближе оказывается формулировка, предложенная Дарвином, рассматривающего цикл как «сверхжанровое единство», в котором находит отражение система взглядов поэта на жизнь, утверждающего: «Суть авторских циклов, их главная задача – передать целостную систему авторских взглядов в системе определенным образом организованных стихотворений, в особым образом организованном контексте» [15, 3].

В процессе подготовки своего издания к публикации Боратынский, бесспорно, учитывал те тенденции, что определяли литературный процесс [См.: 1; 3; 9; 12; 13] и проявлялись в характере организации издаваемых сборников стихотворений. Если в 1820-е годы по-прежнему доминирует принцип жанровой организации сборников, в структуре которых выделяют такие привычные разделы, как «Элегии», «Послания», «Смесь», то в 1830 годы, если и появляются издания с подобными рубриками, то это скорее исключения, чем общее правило.

Чаще всего в формировании художественного пространства поэтических сборников обнаруживаются совсем иные тенденции. С одной стороны, это *случайность* в подборе стихотворений, в оформлении издания. По поводу данного явления размышлял в веке XX А. Кушнер, правда, соотнося это с собственной поэтической практикой: «Расположение стихов в книге не всегда может быть мотивировано, более того, чрезмерное настаивание на связях одного стихотворения с другим было бы навязчиво. <...> Один квалифицированный редактор сказал мне: “А я люблю, когда стихи в

книге разбросаны как попало”» [7, 187]. С другой стороны, можно обнаружить и *продуманность* в том, как организуют свой сборник ряд авторов, желая максимально полно и ярко представить образ лирического героя, отразить свое понимание мира, познакомить читателя с собственной концепцией жизни.

Сборник Боратынского 1835 года во многом соотносится с теми процессами, что имеют место в литературной жизни России этого времени, но, кроме того, в нем можно обнаружить реализацию ряда новых приемов, свидетельствующих о новаторстве поэта.

Боратынский следует в этом сборнике двум, совершенно противоположным тенденциям. С одной стороны, первичное знакомство с содержанием издания 1835 года создает ощущение бессистемности в организации стихотворений, вошедших в состав издания, отсутствие связей между произведениями. Кажется, что стихотворения идут сплошным потоком, и единственным проявлением некой их упорядоченности является нумерация.

Но после внимательного прочтения произведений поэта очевидным становится совершенно иное: выявляется внутренняя связь между стихотворениями, подчиненными не общей теме, жанру или интонации, а общей авторской концепции – желанию представить неоднозначность бытия, противоречивость жизни.

Подсказку для подобного понимания сути своего сборника дает сам Боратынский. Еще в 1828 году, задумываясь о судьбе своей поэмы «Бал», поэт высказывает мысль, отражающую его стремление найти ту художественную форму, в которой автор сможет отразить себя, свое видение мира: «Сочинения такого рода имеют свойство каламбуров: разница только в том, что в них играют чувствами, а не словами. Кто отгадал настоящее намерение автора, тому и книгу в руки» [8, 213].

Чтобы лучше понять художественное своеобразие сборника Боратынского 1835 года, стоит учитывать и позицию И.В. Киреевского, современника поэта, верно заметившего: «... в самой действительности, открыл он (Боратынский – С. Р.) возможность поэзии; ибо глубоким воззрением понял он необходимость и порядок там, где другие видят разногласие и прозу» [5, 50].

Изначально, в качестве некоего предисловия к сборнику Боратынский задумывал использовать собственное стихотворение «Вот верный список впечатлений», написанное до февраля 1834 года, ключевыми словами в котором были строки: «Жизнь родила его – не гений» [2, 215]. По ряду до конца неясных причин поэт от этого посвящения отказался. Но тем не менее, можно утверждать, что в

окончательной редакции сборника поэт отразил свою концепцию жизни и человека.

Сборник 1835 года был разделен Боратынским на 2 части: первая часть включала 131 стихотворение, во вторую вошли 6 поэм. Нас будет интересовать именно первая часть, в которой представлены лирические произведения поэта.

Обращает на себя внимание уже тот факт, что в сборник 1835 года Боратынский ввел не все написанные и напечатанные им к тому времени произведения. Так, например, из 83 стихотворений, представленных в первом сборнике 1827 года, включенными в состав сборника 1835 года оказались только 78 текстов. Среди не вошедших в издание только одно произведение («Дельвигу» («Так, любезный мой Гораций»)) было исключено из-за запрета цензора, решение о судьбе всех иных текстов принимал сам поэт. На страницах сборника впервые увидели свет 21 стихотворение.

Высказывания таких исследователей, как И. Медведева, Е.°Купреянова, относительно того, что «принципы построения сборника противоречили его составу» [6, 353] или же, что стихотворения у Боратынского следуют, «как части, главки лирической автобиографии поэта» [6, 353], кажутся нам совершенно не соответствующими действительному положению дел. Как нам представляется, Боратынский таким образом организует свой сборник, чтобы минимизировать проявление личного, биографического, максимально обобщить свой жизненный опыт. Именно поэтому стихотворения (уже известные читателю по сборнику 1827 года), которые можно было бы оформить в циклы, посвященные определенным адресатам (А.А.°Дельвигу, А.А. Воейковой, С.Д.°Пономаревой, А.В. Лутковской, Н.М.°Коншину и др.), автор располагает в издании 1835 года на максимальном удалении друг от друга, таким образом разрушая прямые автобиографические ассоциативные связи между текстами.

Боратынский ставит перед собой задачу обобщить свой жизненный опыт, уйти от частной человеческой судьбы. Возможно, именно этим обусловлен отказ поэта от выразительных заголовков стихотворений (это коснулось 87 текстов), поэт нумерует в оглавлении свои произведения, их названиями становятся первые строки. Исключение – 28 поэтических текстов, сохранивших в составе этого сборника самостоятельные заголовки; стоит подчеркнуть, что из них 11 произведений автор опубликовал под прежними заголовками («Финляндия», «Лета», «Падение листьев», «Цветок», «Разуверение», «Н.И. Гнедичу», «Дельвигу», «Старик», «Д. Давыдову», «Последняя

смерть», «На смерть Гете»), 4 стихотворения напечатаны впервые, а остальные тексты опубликованы с измененными вариантами названий.

Как и многие современники, поэт отказывается от названий, содержащих прямое указание на жанр, таких, например, как «Антологическое стихотворение», «В альбом», «Надпись», «Эпилог», «Эпиграмма» и др. Но тем не менее в сборнике 1835 года можно найти ряд текстов, в заголовках которых сохранен намек на жанровую форму послания: «А.А. Ф... ой»¹, «Авроре Ш.»², «Богдановичу», «Г-чу», «Дельвигу», «Д. °Давыдову», «К З.А. °Волконской», «К.А. °Свербеевой»³, «К.А. Тимашевой»⁴, «Лутковскому», «Н.И. °Гнедичу», «Языкову». Как нам представляется сохранение прозрачного намека на адресность связано с тем, что в данных посланиях определяющей стихией оказывается не интимность, а творчество, ибо все имена, отраженные в названиях стихотворений, так или иначе ассоциируются у читателей с проблемами поэзии, вдохновения.

Доминирующим принципом формирования поэтического сборника Боратынского 1835 года становится циклизация, в основе которой рассмотрение явлений с различных, чаще всего с противоположных сторон, что дает поэту возможность отразить противоречивую, но целостную картину бытия.

На эту особенность обратил внимание еще А.М Песков, заметивший, что «в первой части нового издания, содержавшей лирические произведения, был избран иной принцип <...>. Это принцип относительности истин в зависимости от душевного состояния автора: чередование стихотворений, выражающих разные душевные состояния и различно (часто диаметрально противоположно) интерпретирующих одно и то же» [11, 58].

¹ За этими обозначенными в названии автором инициалами угадывается имя Александры Андреевны Фукс, которую чаще всего именовали Фуксовой, известной близкому кругу как «поэтесса, казанская знакомая Боратынских», которая «бывала у них часто и в Москве, и через Боратынского с нею познакомился Пушкин во время своего проезда через Казань в начале сентября 1833 года» [4, 286]

² Инициалы, указанные в послании, скрывают имя Авроры Карловны Шернваль, красота которой была источником вдохновения для многих авторов, современников Боратынского (среди них и А.И. Тургенев, и В.А. Сологуб, и П.А. Вяземский, и др.)

³ Екатерина Александровна Свербеева, ставшая адресатом данного послания, была женой Дмитрия Николаевича Свербеева, «литератора близкого Боратынскому круга журнала «Моск.Набл.». В начале 1830-х гг. в доме Свербеевых был философско-литературный салон» [6, 264].

⁴ Адресатом этого стихотворения стала Екатерина (Катерина) Александровна Тимашева, московская поэтесса.

Цикличность проявляется в самой организации корпуса текстов издания Боратынского 1835 года. Первым стихотворением является «Финляндия», которое как будто задает направление последующих размышлений, здесь впервые появляется центральный образ сборника – поэт, с ним оказываются связаны ведущие проблемы, рассматриваемые автором в этом и других произведениях, – судьбы, прошлого и настоящего, мгновения и вечности, жизненного выбора, диалога поэта и общества.

В заключительном в сборнике произведении «Бывало, отрок, звонким кликом...» вновь изображается образ поэта, что создает эффект обрамления, кажется, будто завершает лирическую историю тот, кто ее начал. Боратынский формирует у читателей ощущение и тематической, и интонационной законченности представленного поэтического материала. В первом стихотворении слышится голос юного поэта, полного энергии, жажды жизни, мечтающего познать мир и подчинить собственной воле судьбу, время: «Вострепешу ль перед судьбою? / Не вечный для времен, я вечен для себя... / <...> / Мгновенье мне принадлежит, / Как я принадлежу мгновенью!» [2, 73]; осознающего, что слово его воспринимается, пусть и не всеми: «Я, невнимаемый, довольно награжден / За звуки звуками, а за мечты мечтами» [2, 73]. В последнем же тексте сборника описывается герой иного возраста и ощущений; это тоже поэт, но он может лишь вспоминать о юности, как о времени, когда «звуки, звукам отвечая, / Бывало, не жили меня» [2, 158], с позиции прожитых лет юность воспринимается как нечто почти нереальное, потому соотносится прежде всего с миром прошлого. Оттого герой Боратынского осознает свою неспособность творить вследствие растраты жизненной энергии: «Остываю / Я и к гармонии стихов – / И как дубров не окликаю, / Так не ишу созвучных слов» [2, 158].

Боратынский, размышляя о человеке, о жизни пытается смотреть на мир с абсолютно разных, порой взаимоисключающих позиций. Это дало основание А.М.°Пескову данное свойство поэтики рассматриваемого сборника охарактеризовать как принцип «относительности истин» [8, °39]. Например, помимо того, что образ судьбы представлен в разных ипостасях, показаны и различные формы противостояния ей человека: от открытого бунта и вызова до полного смирения и покорности перед ней. Контрастность определяет выстраивание любого тематического и образного ряда, к которым обращается поэт. Так, в сборнике, мы видим и роковых красавиц, вносящих в мир человека хаос и разрушение, и ангелоподобных существ, сравнимых со звездой, что дарует человеку душевную

гармонию. Мысли о будущем («У берега насажу лесок уединенный, <...> В тени их отдохнет мой правнук молодой» [15, Ч. 1, 12]) соседствуют с размышлениями о прошлом («Ты был ли, гордый Рим, земли самовластитель, / Ты был ли, о свободный Рим?» [15, °Ч. 1, 15]), на смену раздумьям о смерти («О, все своей чредой исчезнет в бездне лет! / Для всех один закон — закон уничтоженья» [15, °Ч. 1, 7]) приходит оптимистическое признание величия жизни, радостное приятие бытия и любви («Дышу свободнее, и лиру взяв свою, / И дружбу, и любовь и негу я пою» [15, °Ч. 1, 109]), мечта о покое («Во всем мне слышится таинственный привет / Обетованного забвенья!» [15, °Ч. 1, 109]) конфликтует с потребностью борьбы («В покое раболепном я / Ждать не хочу своей кончины; / На яростных волнах, в борьбе со гневом их, / Она отраднее гордыне человека!» [15, °Ч. 1, 11]).

Сборник Боратынского 1835 года организуется на основе принципа цикличности, каждое отдельное стихотворение, будучи самостоятельным, тем не менее оказывается в интонационной или тематической соотнесенности с другим текстами издания. Поэт предпринимает попытку через историю отдельного героя выйти на размышления о судьбе человека вообще.

Литература

1. Абрамзон Т.Е. «Ломоносовский текст» русской культуры. «Избранные страницы. / Т.Е. Абрамзон. –М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2011. –240 с.
2. Баратынский, Е.А. Полн. собр. стихотворений / Е.А.°Баратынский / Вступ. ст. И.М. Тойбина. Сост., подгот. текста и примеч. В.М. Сергеева. 3-е изд. – Л.: Сов. писатель, 1989. – 464 с.
3. Гайворонская Л.В. Генезис характера 'поэт' в русской литературе XVIII в. / Л.В. Гайворонская // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. –2012. –№ 5. – С.°73–82.
4. Гофман М.Л. Примечания к стихотворениям [Боратынского] / М.Л. Гофман // Боратынский Е. А. Полное собрание сочинений / Под ред. и с примеч. М. Л. Гофмана. СПб.: Изд. Разряда изящной словесности Имп. акад. наук, 1914–1915. Т. 1. 1914.
5. Киреевский И.В. Полн. собр. соч.: в 2 т. / И.В.°Киреевский. Под ред. М. Гершензона. – М. : Тип. Моск. имп. ун-та, 1911.
6. Купреянова Е., Медведева И. Комментарии к°стихотворениям (к тому I) / Е. Купреянова, И. Медведева //

Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений: в 2 т. – Л.: Сов. писатель, 1936. – Т. 2. – 1936.

7. Кушнер А. Книга стихов / А. Кушнер// Вопросы литературы. – №3. – 1975. –С. 187.

8. Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского. Сост.: А.М. Песков; текст подгот. Е.Э. Лямина и А.М. Песков. – М.:°Новое литературное обозрение, 1998. – 496 с.

9. Ляпина Л.Е. Жанровая специфика литературного цикла как проблема исторической поэтики / Л. Е. Ляпина // Проблемы исторической поэтики. – Петрозаводск, 1990. – С. 22–30.

10. Медведева И., Купрянова Е. Комментарии / И.°Медведева, Е. Купрянова// Баратынский Е.А. Полн. собр. стихотворений: в 2 т. – Л.: Сов. писатель, 1936. – Т. 1. – 1936.

11. Песков А.М. Е.А. Боратынский. Очерк жизни и творчества / А.М. Песков // Боратынский Е.А. Полн. собр. сочинений и писем. –Т. 1. – С. 58.

12. Петров А.В. Из истории маргинальных жанров в°русской поэзии XVIII века. Эонические стихи, эпиграмма, баллада / А.В. Петров. – Магнитогорск: Магнитогорский государственный университет, 2012. –137 с.

13. Рудакова С.В. Основные образно-семантические категории поэтического мира Е.А. Боратынского / С.В. Рудакова. – Магнитогорск: Магнитогорский государственный университет, 2013. – 164 с.

14. Стихотворения Евгения Баратынского: в 2 ч. – М.:°Типография Августа Семена при Императорской Медико-хирургическ. Академии, 1835.

15. Фоменко И.В. Поэтика лирического цикла: автореф.°дисс. ... докт. филол. наук: 10.01.01 / И.В.°Фоменко. – М., 1990. – 31 с.

PRINCIPLES OF FORMATION

E.A. BORATYNSKY'S POETRY COLLECTION OF 1835

Abramzon T.V., Rudakova S.V.

Abstract

The article describes the main principles that determined the peculiarity of the organization of the collection of poems of E.A.°Boratsynsky 1835. Special attention is paid to the cyclization.

Key words: Baratsynsky, poetry collection, cyclization